

УДК 82/821.0

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-184-190

**«Кочевье длиною в жизнь» Андрея Кривошапкина:
non-fiction в эвенской литературе**© *Хазанкович Юлия Геннадьевна*

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, 698000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

E-mail: hazankovich33@mail.ru

В статье представлен первый опыт типологического исследования «невывымышленной прозы» в литературах малочисленных народов Севера. Объектом исследования является трилогия эвенского писателя Андрея Кривошапкина «Кочевье длиною в жизнь», «Под сенью Полярной звезды» и «Жизнь моя, я бы снова выбрал тебя!». В контексте культурно-эстетических традиций становления и развития литератур народов Севера и эвенской литературы в частности выявляются жанровые признаки «невывымышленной прозы», исследуются ее содержательные особенности через призму достоверности факта. В рамках исследования делается вывод, что художественная составляющая первой части трилогии, в которой факты биографии писателя превращены в собственно литературное произведение, тогда как документальное начало доминирует в последних книгах трилогии: факты, детали, даты, последовательность событий, географические названия реальны и «поддержаны» дневниковой формой повествования.

Ключевые слова: литература non-fiction, эвенская литература, Андрей Кривошапкин, проза, факт, автобиография, роман, повесть, документальное начало, художественность, трилогия.

«Невымысленная литература», канонические признаки которой описаны в экспериментальной энциклопедии Е. Местергази «Литература non-fiction/non-fiction» [6], у писателей малочисленных народов Севера «прописку» получила давно. Следует подчеркнуть, что должного внимания со стороны исследователей она не получила. Сложности ее изучения были вызваны, на наш взгляд, имеющимися теоретико-методическими проблемами, которые непременно возникают при обращении к такому материалу [1; 7; 8]. Надо признать, что и на материале русской прозы «невывымышленная литература» также находится на «периферии исследовательского поиска» [6]. Только в последнее десятилетие активизировалось внимание к этому довольно распространенному художественно-эстетическому явлению.

Между тем в истории литератур малочисленных народов Севера довольно регулярно появлялись тексты, в основе которых были невидуманные истории, документы и факты. Это очерк зачинателя юкагирской литературы Тэки Одулока «На Крайнем Севере» (1927), автобиографическая «повесть» ненецкой писательницы Нины Ядне «Я родом из тундры» (1995), книга эпистолярного наследия долганской поэтессы Огдо Аксеновой «Я пишу Вам больше от радости» (2001), воспоминания юкагира Н. Курилова «Потаенный смысл предназначения» (2013) и др. Появление таких произведений

было определено самой задачей, стоявшей перед писателями, — осмысление исторических перемен посредством рассказа о себе и собственной культуре.

«Невымышленная литература» у малочисленных народов Севера появилась не случайно: с момента появления первых художественных произведений (в конце 1920-х — середине 1930-х гг.) было характерно обращение первых прозаиков к традициям русской литературы, национальному фольклору и мифологии, определивших эстетическое своеобразие художественного феномена, аутентичность которого сохраняется по сию пору. Традиция автобиографического повествования и литература факта зарождаются в художественной словесности северян именно тогда, а сегодня мы наблюдаем трансформацию этой традиции.

Фактологическая детализация, простой язык, реалистичность, историзм, единение драматизма и обыденности определили специфичность автобиографической прозы 1930–1940-х гг. Это стало основой для трансформации автобиографической прозы, восходящей к традициям М. Горького и «личным» песням аборигенных народов Севера, и появления «невымышленной прозы» в литературах малочисленных народов Севера.

На протяжении всего существования художественной словесности автобиографическая и «невымышленная» проза у северян развивалась параллельно. Пример тому автобиографическая повесть эвенов Н. Тарабукина «Мое детство» (1936), А. Амамич «Не провожайте с тоской улетающих птиц» (1977), М. Федотовой «Шалуныя Нулгынэт» (1999), воспоминания юкагира Н. Курилова «Хай!» и др. Заметим, что в основу путевых заметок Н. Курилова положен дневник путешествия автора к североамериканским индейцам в 1994–1995 гг. Книга состоит из 25 главок-заметок. В путевых заметках автор не отступает от принципа осмысления действительности через призму фольклора: книгу предваряет юкагирская пословица, которая размыкает публицистические рамки повествования и вносит философский контекст — «с одной сопки не заметишь всех оленей». Путевые заметки Н. Курилова близки документально-просветительскому очерку, для которого характерны установка на объективность, документальную точность, автобиографичность и отсутствие художественности.

Актуализация «невымышленной литературы» определена временем крушения некогда единого культурного пространства, «переходным» ценностно-культурным и социально-политическим, «перестроечным» состоянием страны в 1920–1930-е гг., а также в конце 1980 — начале 1990-х гг. «Переходное» состояние общества и сознания людей, которое выразилось в кризисе нравственных, духовных, культурных ценностей, этнокультурной ассимиляции малочисленных народов Севера, актуализировало востребованность нелживого языка документа. В кризисные периоды литература отзывается художественным эпосом, художественной и нехудожественной эссеистикой и публицистикой. Литература коренных народов Севера не стала исключением.

Литературы народов Севера конца 1980-х — 2000-х гг. представлены повестями эвенкийки Г. Кэптукэ — автобиографической «Имеющая свое имя Джелтула-река» (1988) и биографической «Мой папа — Санта Клаус» (2010), в

основу которых положены воспоминания детства и реальная история любви француженки-ученого и оленевода-эвенка в селе Иенгра на юге Якутии. В повестях писательницы очевидна субъективность авторского видения, оценки реальных событий, людей, но они получают художественное воплощение. Не следует исключать, что появление подобного рода произведений — свидетельство поисков национальными писателями новой художественной формы и нового выражения, их стремления к точному воспроизведению фактов и художественной их обработкой [10]. Творчество эвена Андрея Кривошапкина — прозаика, поэта, публициста — в 2000-е гг. кардинально отличается от ранее написанного. Объект нашего внимания — трилогия Андрея Кривошапкина, включающая в себя романы «Кочевье длиною в жизнь» (2000), «Под сенью Полярной звезды» (2014) и «Жизнь моя, я бы снова выбрал тебя!» (2015).

Выход первого, как было указано в аннотации к книге, «автобиографического романа» состоялся в «нулевые» годы. Роман был не совсем обычным как по форме, так и по содержанию. Возможно, это и тормозило исследователей в оценке текста, хотя само повествование для литературоведческих изысканий было весьма интересным. Автор сам признался в своей первой книге трилогии: «Жизнь моя похожа на длинное, длинное кочевье по неизведанным тропам по крутым склонам величественных гор Верхоянского хребта. Сегодня я весь в кочевье. Только не знаю, когда остановка...» [5, с. 333].

Отталкиваясь от первичного авторского определения «автобиографический роман» [3, с. 2], следует прояснить, почему такой тип повествования интересен автору. Принято считать, что одной из причин является подведение итогов — жизненных, творческих. Но в случае с А. Кривошапкиным это не итог, а попытка писателя дать читателю понимание того, «как и что владела жизнь в голову и сердце» [11, с. 23]. Существенно, что в аннотациях последних книг трилогии исключается весьма спорное определение «автобиографический роман» и появляется размытый, но более, на наш взгляд, уместный в отношении «книги о жизни» роман-эссе. Безусловно, жанр — категория подвижная, «зыбкая», и трилогия А. Кривошапкина подтверждает это. В рамках данной статьи мы обратимся к отдельным жанровым признакам «невывышенной литературы», или, как ее называют, «литературы non-fiction», на материале художественной словесности малочисленных народов Севера. Выход трилогии Кривошапкина не только повод для давно уже назревшего разговора, но и убедительный факт наличия феномена «невывышенной литературы» у писателей Севера.

Заглавия романов-эссе, вошедших в трилогию А. Кривошапкина, при кажущейся, на первый взгляд, пафосности, полностью соответствуют их содержанию. Это не просто воспоминания или тексты-исповеди. В них история и хроника жизни, смыслоносущие и весьма значимые события для А. Кривошапкина — личности, гражданина, общественного деятеля и политика. Описанные события сопряжены как с жизнью его семьи, рода, народа, так и судьбой его малой родины и всей страны. Сам Кривошапкин говорит: «Жизнь состоит из воспоминаний» [5, с. 370]. Часть этих воспоминаний в

трилогии облачена в документ — дневниковую заметку, записки, письма-обращения и др. Другая часть имеет классическую форму автобиографического повествования: автор повествует о своем детстве и юности, увиденном и пережитом, стремясь анализировать события, устанавливать «диагнозы», прогнозировать и давать оценку (первая книга трилогии). И это все в совокупности порождает доверие читателя к высказанному-написанному Кривошапкиным. Собственно это отличает его трилогию от классической мемуаристики, в которой автору важнее *просто рассказать* об увиденном и пережитом.

Если первая часть трилогии А. Кривошапкина есть воплощение «открытой соотнесенности и борьбы между фактической достоверностью изображаемого и художественной образностью» [2, с. 9], то вторая и третья части в жанровом плане более «чисты» и восходят к документальной литературе с характерными для нее установками на подлинность, цитатность и точную фиксацию времени происходящего. Заключительные книги трилогии А. Кривошапкина насыщены датами тех или иных событий, а сами воспоминания отнесены/приурочены к определенным историческим событиям и фактам: «9 мая 1998 г. Волнующий день. Памятный день. Великий день. День Великой победы советского народа над фашистской Германией. В Москве тепло и солнечно. Ельцин примазывается ко Дню Победы, заискивает перед ветеранами войны. Люди протестуют против правящего режима Ельцина. Эта мысль красной нитью прошла во всех выступлениях. Олимпийская чемпионка, чемпионка мира Елена Карпухина выступила с резким осуждением власти “демократов”. Она раскрыла истинную цену побед советских спортсменов. Молодец!» [5, с. 175]; «13 марта 1998 г. Сегодня исполнилось 85 лет со дня рождения патриарха русской детской поэзии Сергея Михалкова. Газета “Вечерняя Москва” 12 марта 1998 года поместила большое интервью с именитым писателем... Честное интервью. Чтобы я добавил от себя? Конечно, я не Сергей Михалков. Но и я мог бы твердо сказать, что не променял бы Советскую власть, СССР ни на что. Если бы позволялось прожить новую жизнь, я бы без колебаний снова стал жить в советской стране...» [5, с. 158–159].

Сам писатель в одной из личных бесед с автором данной статьи подчеркивал, что для него чрезвычайно важно самому зафиксировать исторические события переломных 1990–2000-х гг., свидетелем и активным участником которых ему выпало быть. По его признанию, содержание и сам масштаб написанного был вызван его стремлением избежать искажения фактов и представить своему читателю, в том числе читателю-сородичу, объективную историю страны, республики и лица тех, кому было доверено управлять и решать судьбу великой страны. Поэтому А. Кривошапкин построил содержание книг «Под сенью Полярной звезды», «Жизнь моя, я бы снова выбрал тебя!» на бескупюрной публикации своего дневника, который открывается 12 мая 1990 г. и завершается 1 января 2001 г.

А. Кривошапкин — прозаик, в его творческом багаже автобиографическое повествование «Рассказы об Апоке», историко-социальный роман «Берег судьбы», социально-этнографическая повесть «Охотник Тормита», меж-

ду тем он не допускает литературной обработки и беллетризации описываемых исторических событий и личностей. Но эвенский писатель все-таки позволяет войти описательным лирическим отступлениям в текст своих повествований. Это встречается нечасто, но иногда он обращается к выразительной образности: «*17 октября 1990 г.* Время летит быстроногой оленьей упряжкой. Едешь, бывало, запрягая молодых и сильных оленей. Казалось тогда, что у оленей словно выросли крылья. Мчатся легко. Нарту бросает то влево, то вправо, то повороты меж деревьев, то крутые спуски. А у тебя душа поет. Всем телом работаешь, управляя нартой. Не замечаешь, как комья снега летят из-под легких копыт моих оленей и освежают разгоряченное лицо. Уже позади знакомые с давних пор заснеженные леса и сопки, тополиные рощи. Ты молод, потому энергичный олений бег отзывается в унисон со стуком сердца в груди. Вот так пролетели мои года в гуще дел и забот. Мне пятьдесят лет...» [4, с. 249]. Или: «Река Индигирка несет свои волны не прямым к морю, а петляет невероятным образом, напоминая в этом смысле кишки оленя. По этой причине несколько раз приближались к Русскому Устью, а потом вновь отплывали. Я видел обваливающиеся берега реки. Яростная, ненасытная атака на берега неукротимой силы воды представляет собой реальную неотвратимую опасность и для всей остальной живности тундры...» [4, с. 191–192].

Наибольшая субъективность свойственна первому «автобиографическому роману» трилогии — «Кочевье длиною в жизнь». Вторая и третья части трилогии отличаются беспристрастностью, но дневниковые записи все-таки допускают субъективность авторского видения событий, людей и соответствующим образом отражают это на страницах трилогии: «*31 июля 1998 г.* ...Во вчерашнем номере (30.07.1998 г.) “Комсомольской правды” опубликована статья «Французская любовь эвенкийского оленевода». Наивные корреспонденты нашли экзотику. Что тут удивительного? Раз эвенк, неужели не имеет права жениться на француженке? Имеет, конечно. Но зачем делать из этого всероссийский ажиотаж?! Это как-то задевает нас, малочисленные народы. По человечески я искренне рад за Пашу Васильева и Александру Лаврилье» [5, с. 194]; «*26 марта 1991 г.* ...Мне вспомнился тут один то ли забавный, то ли специально подстроенный случай. Про себя усмехаюсь, поражаясь тому, как на ровном месте зарождаются поразительные слухи. Кто-то в Якутске пустил слух, будто я подал заявление о выходе из партии. Знакомые моей супруги Розы стали допытываться у нее, мол, правда ли, что я вышел из рядов КПСС. На такие вопросы четко и точно отреагировала моя жена, заявив: Андрей скорее разведется со мной, чем выйдет из партии». Надо же, как удачно и, главное, правильно ответила моя Роза. Таков ответ беспартийного коммуниста» [4, с. 303].

В заключение следует сказать, что впервые в национальном литературоведении на материале прозы малочисленных народов Севера была осуществлена презентация образца и анализа «невывымышленной литературы» на материале эвенской прозы. Еще предстоит выявить произведения, которые являются образцами «наивного письма», поставить и решить на образцах аутентичных тестов северян такие проблемы, как образ автора в «невывышлен-

ной прозе», специфика образности, проблема достоверности/недостоверности факта. Предложенное исследование трилогии А. Кривошапкина убедило нас, что данное автором жанровое определение «роман-эссе» — образование синтетическое в жанровом отношении, в котором достигается если не гармония, то хотя бы компромисс мемуаристики, с характерным для нее *описанием* событий и лиц, документального начала и автобиографической исповеди — рассказа о своей жизни с запечатлением мыслей и чувств. Благодаря этому синтезу, спаянности «истории души человеческой», истории жизни автора с историей его семьи, народа, республики и страны трилогия А. Кривошапкина обретает качество подлинного свидетельства, в основе которого достоверный факт и настоящая реальность, подтверждая, что «ничего не может быть прекраснее того, что в самом деле существует в действительности... следовательно, прекрасное есть жизнь» [9, с. 110].

Литература

1. Бернштейн И. Факт и условность // Иностранная литература. — 1966. — № 8. — С. 192–193.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. — Л.: Советский писатель, 1971. — 463 с.
3. Кривошапкин А. В. Кочевье длиною в жизнь. — Якутск: Бичик, 2000. — 333 с.
4. Кривошапкин А. В. Под сенью Полярной звезды. — Якутск: Бичик, 2014. — 415 с.
5. Кривошапкин А. В. Жизнь моя, я бы снова выбрал тебя! — Якутск: Бичик, 2015. — 399 с.
6. Местергази Е. Г. Литература non-fiction/non-fiction. — М.: Совпадение, 2007. — 325 с.
7. Одинцов А. Жизненный материал и художественное обобщение // Вопросы литературы. — 1966. — № 9. — С. 37–38.
8. Палиевский П. В. Документ в современной литературе // Иностранная литература. — 1966. — № 8. — С. 178–187.
9. Чернышевский Н. Г. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1986. — Т. 1. — 816 с.
10. Эвенская литература: сб. / сост. В. Огрызко. — М.: Литературная Россия, 2005. — 381 с.
11. Янская И. Пределы достоверности: очерки документальной литературы. — М.: Советский писатель, 1986. — 432 с.

"Lifelong Nomadic Journey" of Andrey Krivoshapkin: non-fiction in Even literature

Yuliya G. Khazankovich

DSc in Philology, Professor, Department of Russian Literature of the 20th Century and Literary Theory, Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinskogo St., Yakutsk 698000, Russia

In the article we for the first time carried out a typological study of "non-fictional prose" in the literature of Northern small peoples. The object of the study is the trilogy of Even writer Andrey Krivoshapkin "Lifelong Nomadic Journey", "Under the Canopy of the North Star" and "My Life, I Would Choose You Again!". The genre features of "non-fiction prose" are identified in the context of cultural and aesthetic traditions of formation and development of Northern small peoples' literature as a whole and Even literature in particular, we have studied the characteristics of its content in the light of facts reliability. The study concludes that in the artistic compo-

ment of the first part of the trilogy the facts of writer's biography convertes into a literary work. While documentary beginning dominates in the last books of the trilogy: facts, details, dates, sequence of events, geographical names are real and "supported" by diary narrative form.

Keywords: literature, non-fiction, folk literature, Andrey Krivoschapkin, prose, fact, autobiography, novel, novella, documentary beginning, artistry, trilogy.

References

1. Bernshtein I. Fakt i uslovnost' [Fact and Convention]. *Inostrannaya literatura – Foreign Literature*. 1966. No. 8. Pp. 192–193.
2. Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoi proze* [About Psychological Prose]. Leningrag: Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 463 p.
3. Krivoschapkin A. V. *Kochev'e dlinoyu v zhizn'* [Lifelong Nomadic Journey]. Yakutsk: Bichik Publ., 2000. 333 p.
4. Krivoschapkin A. V. *Pod sen'yu Polyarnoi zvezdy* [Under the Canopy of the North Star]. Yakutsk: Bichik Publ., 2014. 415 p.
5. Krivoschapkin A. V. *Zhizn' moyu, ya by snova vybral tebya!* [My Life, I Would Choose You Again!]. Yakutsk: Bichik Publ., 2015. 399 p.
6. Mestergazi E. G. *Literatura non-fikshn/non-fiction* [Non-Fiction Literature]. Moscow: Sovpadenie Publ., 2007. 325 p.
7. Odintsov A. Zhiznennyi material i khudozhestvennoe obobshchenie [Life Material and Breadth]. *Voprosy literatury – Problems of Literature*. 1966. No. 9. Pp. 37–38.
8. Palievskii P. V. Dokument v sovremennoi literature [A Document in Modern Literature]. *Inostrannaya literatura – Foreign Literature*. 1966. No. 8. Pp. 178–187.
9. Chernyshevskii H. G. *Sochineniya* [Works]. In 2 v. Moscow: Mysl' Publ., 1986. 816 p. V. 1.
10. *Evenskaya literatura* [Even Literature]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2005. 381 p.
11. Yanskaya I. *Predely dostovernosti: ocherki dokumental'noi literatury* [Reliability Limits: Nonfiction Essays]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 463 p.